

Петербурге (далее — ЦГАИПД), ф. 16, оп. 1, д. 459, л. 2—3.

⁴ Красильников С. А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922—1923 гг. // Интеллигенция. Общество. Власть. Опыт взаимоотношений (1917—конец 1930-х гг.): Сб. научных трудов. Новосибирск, 1995. С. 53. При освещении данного сюжета автор использовал документы из Архива Президента РФ.

⁵ Там же. См. также: Измолик В. С. Глаза и уши режима. С. 139, 141.

⁶ Вестник Российской Академии Наук. 1996. Т. 66, № 10. С. 927—929.

⁷ СУ РСФСР. 1922. № 65. Ст. 844.

⁸ Красильников С. А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция... С. 53—55.

⁹ ЦГАИПД, ф. 16, оп. 6, д. 7056, л. 1—13.

¹⁰ Там же, д. 6912, л. 11—14, 51, 145.

¹¹ Там же, л. 184.

¹² Там же, д. 6930, л. 10—14.

¹³ Там же, д. 6920, л. 7, 51.

¹⁴ Там же, д. 6921, л. 317.

¹⁵ Там же, д. 6924, л. 249.

¹⁶ Там же, д. 6117, л. 252.

¹⁷ Там же, д. 6116, л. 29.

¹⁸ Там же, д. 6117, л. 107—109.

¹⁹ Там же, л. 158—161.

²⁰ Там же, д. 6919, л. 192, 196.

²¹ Там же, д. 6912, л. 52.

²² Там же, д. 6913, л. 45.

²³ Там же, д. 6930, л. 10—14.

²⁴ Там же, д. 6913, л. 101—102.

В. В. Лапин

СОБСТВЕННЫЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЙ

Статус владетельных особ, церемониальные традиции, восходящие к глубокой древности, и, наконец, практические потребности в охране и экстренных услугах требовали, чтобы во время передвижения этих особ при них состояла надежная и мобильная охрана. Почетные караулы, составлявшиеся, как правило, из знати, выглядели представительно на пышных придворных церемониях, но не годились для сопровождения экипажа с августейшей персоной, особенно при продолжительных переездах оной. К тому же знатные, богатые и видные собой отпрыски дворянских фамилий, ловкие на дворцовых паркетах, часто не блистали выездкой и больше робели перед двухаршинной канавой, чем перед женой французского посла.

В России роль «почетнейшей» охраны играла кавалергардия, учрежденная Петром I для сопровождения Екатерины I при ее коронации. Это формирование занимало особое место в церемониях даже после его преобразования в 1800 г. в «полнокровный» гвардейский кавалерийский полк. Однако в разъездах правителей России кавалергарды, как правило, не сопровождали.¹

В 1774 г. по предложению кн. Г. А. Потемкина в Москву для участия в праздничных торжествах по поводу заключения Кучук-Кайнарджийского мира были направлены Донская и Чугуевская казачьи команды по 65 человек каждая, включенные в «Собственный конвой Екатерины II».²

В этот же конвой вошли лейб-эскадрон от гусарских полков, сформированных из бывших турецких подданных, перешедших на русскую службу, — волохов, болгар, сербов, венгров, молдаван и грузин. Наличие иностранцев в царском конвое объясняется двумя причинами. Во-первых, это было весьма распространено — иметь в охране чужеземцев. Французские короли доверяли свой покой германоязычным швейцарцам, австрийских императоров сопровождали пандуры, набранные в юго-восточном пограничье империи (босняки, сербы, хорваты, албанцы, македонцы), Фридрих Великий во время Семилетней войны пользовался услугами всадников-босняков.³ Во-вторых, что самое главное, присутствие в конвое Екатерины II выходцев из турецких владений должно было служить еще одним символом притязаний России на покровительство над всеми христианами — подданными турецкого султана.

В конце XVIII—начале XIX в. произошли радикальные перемены в положении гвардейского корпуса — он перестал быть полностью дворянским по своему составу, стал комплектоваться солдатами на основе рекрутской повинности. Одновременно с этим гвардейский корпус все более и более воспроизводил вооруженные силы страны «в миниатюре». В его составе появились казацкие подразделения, морской экипаж, гренадеры, егеря, уланы, гусары, кирасиры, конногренадеры, саперы, коннопионеры, после чего появление в корпусе «лейб-инородцев» было вполне логичным.

Во время заграничных походов 1813—1814 гг. участвовавшие в них казацкие полки, а также национальные формирования башкир, татар, калмыков произвели столь глубокое впечатление на Европу, что редкое изображение российской армии, сделанное рукой тамошних художников, обходилось без колоритной фигуры бородатого казака или вооруженного луком башкира.⁴

В начале XIX столетия Россия как бы перестала смущаться наличием в ней азиатских элементов, более того, в национальном самосознании все прочнее утверждалось представление о самобытности отечественной культуры, что вело к проявлению национальных веяний во всем, вплоть до военной символики. В начале XVIII в. иноземцев можно было удивить европейским покроем русских гвардейских мундиров. Сто лет спустя ситуация коренным образом изменилась.

В 1825 г. при посещении Крыма Александром I местное татарское дворянство обратилось к царю с просьбой о включении в состав гвардейского казачьего полка эскадрона крымских татар. Смерть Александра I, события, связанные с восшествием на престол Николая I, проблемы финансирования новой части задержали формирование эскадрона, который только осенью 1827 г. прибыл в С.-Петербург под командой инициатора всего этого дела князя Р. Балатукова в составе одного взвода.⁵

В декабре 1828 г. началось формирование лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона, о целях создания которого шеф жандармов А. Х. Бенкендорф откровенно писал командиру отдельного Кавказского корпуса Г. А. Розену: «...Напитанный дикостью и раздражительный горский народ, враждующий с русскими, не может познать истинной причины беспрестанной вражды и удостовериться в желании российского государя не уничтожить свободу горцев, а напротив того — даровать благоденствие, каким пользуются и другие его подданные.

Чтобы внушить предварительно хотя некоторым из них эти благотворные виды, должно стараться приготовить их в положении, в котором спокойствие души дает возможность человеку выслушать и вникнуть в то, что ему объясняют. На этом основании сформирован был лейб-гвардии Кавказско-Горский эскадрон и, чтобы более доказать горцам желание государя императора прекратить вражду, назначен в Собственный Его Императорского Величества Конвой».⁶ В мае 1829 г. в Петербург прибыла первая партия конвойцев: 12 кабардинцев, 9 чеченцев, 7 кумыков, 15 ногайцев, 2 туркмена, 1 каратагаец. Командовал ими потомок крымских ханов ротмистр Султан-Азамат-Гирей, младшими офицерами состояли корнеты кабардинский князь Бек-Мурза-Айдемиров и ногайский мурза Мусса Туганов.⁷ Прибывших разместили отдельно от русских солдат в Семеновских казармах. Это условие соблюдалось неукоснительно и в дальнейшем, так как совместное проживание порождало постоянные конфликты. Все чины полуэскадрона, несмотря на свою знатность, были очень бедны, и командование гвардейского корпуса неоднократно выдавало им денежное пособие на пропитание, на лошадей, на приобретение одежды «в лучшем и народному обычаю и вкусу совершенно соответствующем виде».⁸

Форма конвойцев представляла собой несколько унифицированный национальный костюм. Экзотичность этого обмундирования привлекала все-

общее внимание, нередко полный комплект его дарили высокопоставленным иностранным гостям.

Новоиспеченных гвардейцев прикомандировали к Дворянскому полку, снабдив начальство этой учебной части соответствующей инструкцией, которая предписывала «строго запретить насмешки дворян и стараться подружить горцев с ними... Не препятствовать свиданию с иноплемениками. Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменять ее...». За время обучения запрещалось заставлять конвойных выполнять хозяйственные работы и принуждать к строевым пехотным учениям.

Несмотря на повеления кавказскому начальству с возможной строгостью отбирать пополнение, добиться подъема дисциплины на требуемую уставами высоту в полуэскадроне не удавалось. Горцы, как шедшие на смену в Петербург, так и возвращавшиеся на Кавказ, нередко бесчинствовали в дороге, нарушали общественный порядок в столице. Почти ежегодно из сравнительно небольшой части (около 40 чел. строевых) кто-нибудь увольнялся за проступки. В 1836 г. дело дошло до того, что один из конвойцев был убит своими же товарищами по оружию, так как он без видимой причины зарезал слугу и открыл стрельбу по своим сослуживцам. «...Несчастный случай этот подтвердил давно делаемые мной замечания насчет чеченцев, которые со времени формирования полуэскадрона постоянно показывают менее прочих покорности и вообще строптивым и необузданным их нравом часто приводят начальство в большие затруднения. А потому нахожу я необходимым просто не назначать чеченцев в Конвой Его Императорского Величества, исключая лиц знатнейшего происхождения или имеющих под властью своей целые аулы. Я же с моей стороны приму меры к удалению под каким-либо предлогом благовидным и тех чеченцев, которые в полуэскадроне находятся», — писал в связи с эти генерал А. Х. Бенкендорф.⁹ Справедливости ради следует отметить, что нарушителями дисциплины были представители других народов. Потомка крымских правителей юнкера князя Бахты-Гирей-Абдулова исключили из службы за «целое буйство с сопротивлением полиции», а корнета кабардинского князя Алхаса Шереткулова — за поступок, ставший известным всей столице. Зимой 1840 г. этот офицер пришел в Александринский театр с подкутившей компанией. «...На сцене шла драма, и по смыслу ее героиня должна была погибнуть в борьбе с препятствиями. Но этого вовсе не желала компания и особенно Шереткулов, все время делавший двусмысленные замечания по адресу игравших. Главное лицо драмы, артистку Шелехову, Шереткулов решительно хотел спасти и сделать своей женой.

Подкутившие расходились до того, что стали произносить самые неблагоприятные слова. Представление прекратилось и занавес, к общему неудовольствию публики, был опущен».¹⁰ Все эти поступки, однако, вовсе не выглядят экстраординарно на фоне нравов офицерской молодежи того времени (почти сплошь русской). Герои Льва Толстого, имевшие вполне реальных прототипов, купали в Мойке медведя с привязанным на спину квартальным, группа элегантных морских офицеров во главе с лейтенантом Телегиным резвилась в Мариинке, вызывая на сцену директора императорских театров А. И. Сабурова криками «Пса бурого!».¹¹

12 июня 1836 г. Николай I повелел включить в состав конвоя команду джарских лезгин, которые вскоре прибыли в столицу, представляя четыре тохума (рода) — Нухли, Чепарали, Табелли и Чимчили, всего 15 человек. К 1850-м гг. конвой состоял из 4 команд — грузин, горцев, лезгин и мусульман. В первой служили кахетинцы, мингрельцы, гурийцы и имеретинцы. С 1857 г. в эту команду разрешалось брать армян при условии, что их численность не превысит 1/3.¹²

Для того, чтобы служащие в лейб-гвардии Кавказско-Горском полку эскадроне мусульмане разных направлений ислама могли совершать религиозные обряды согласно своим установлениям, в 1842 г. специальным указом в этой части была введена должность муллы «аллиевской секты» в дополнение к состоявшему на казенном жаловании штатному эфпенди.¹³

Разделение конвоя на четыре команды порождало трудности при составлении нарядов на службу, однако предложения переформировать эту часть в обычный эскадрон без всякого национального деления встретили возражения со стороны генералов, имевших богатый опыт службы на Кавказе. Одним из противников новшеств был князь А. И. Барятинский. Он писал в 1850 г.: «Грузинское дворянство, гордящееся древностью и знатностью своего происхождения, не может быть поставлено наравне с другими представителями кавказского населения, в особенности же с мусульманами. Слить в одно эти разные разнородные элементы, чуждые друг другу и по вере и по обычаям, значило бы затронуть самые чувствительные струны национальных предубеждений. Подобная мера была бы противна нашим собственным политическим видам. Поэтому необходимо, чтобы грузины составляли в конвое отдельную команду и при этом не иначе, как под начальством избранного из их же среды офицера».¹⁴

Александр II не оставил идею своего отца иметь конвой символом царской службы кавказских народов. Он сохранил разделение конвоя на четыре команды, отметив в специальном указе необходимость привлечения в него выходцев из «знатнейших и почтеннейших фамилий». Служить в конвое могли только лица, не утратившие связи со своими племенами и родами, для чего предписывалось набирать их исключительно на Кавказе, не допуская зачисления обрусевших или поселившихся во внутренних губерниях. Отбор производился в несколько этапов: сначала местные воинские начальники на Кавказской линии, затем — на уровне командира Кавказского корпуса и, наконец, в главном штабе. Офицером конвоя можно было стать после окончания военно-учебного заведения или отличия в боях на Кавказе. Обязательным условием была предварительная двухгодичная служба в армейском полку и происхождение из «почетнейших» кавказских фамилий.¹⁵

В 1861 г. с конвоем был слит бывший лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион, состоявший из кубанских и терских казаков (1-й, 2-й и 3-й эскадроны), в то время как «казиятцы» остались в своем прежнем составе по штатам 1848 г.: 4 офицера, 9 юнкеров, 40 оруженосцев.¹⁶

С окончанием Кавказской войны полку эскадрон, теперь именованный 4-м эскадрон конвоя, «тоже утратил свое прежнее значение проводника мирных идей культуры и цивилизации среди своих соплеменников, внушения им уважения и покорности Русскому престолу».¹⁷ Крайне невыгодное впечатление на власти и армейское начальство произвели случаи перехода «выпускников» эскадрона на сторону турок или кавказских мятежников во время войны 1877—1878 гг. Если за полвека, прошедшие с момента формирования части, присяге изменили только 4 бывших конвойца, то в ходе этой войны более 20 человек, носивших ранее мундир полку эскадрона, были казнены или отправлены на каторгу за это тягчайшее воинское преступление.¹⁸

Развитие во второй половине XIX в. системы военно-учебных заведений, упрочение власти России на Кавказе и в Закавказье, комплектование милиционных и регулярных частей уроженцами Закавказья решили в целом проблему определения на военную службу грузин, армян, азербайджанцев и представителей других народов этого региона. Не могло не сказаться на судьбе конвоя и то обстоятельство, что Александр III во всем придерживался националистических взглядов. 1 февраля 1882 г. лейб-гвардии Кавказско-Горский эскадрон был упразднен, все офицеры получили следующие чины,

пожизненный пенсион в 1200 р. и зачислены по кавалерии. Все рядовые получили чин прапорщика милиции.¹⁹

Всего за время своего существования конвой дал вооруженным силам 754 офицера-«азиатца», из которых 524 вышли корнетами в кавалерию, а 230 — прапорщиками в милицию.²⁰ Все производимые из конвоя должны были прослужить 1 год в «образцовом» армейском полку и сдать экзамен.²¹

В истории этой небольшой гвардейской части как в зеркале отразились многие проблемы, которые возникали при привлечении инородцев на военную службу. Одной из них было установление правового статуса туземной знати, так как правила поступления на службу и прохождение таковой напрямую зависели от социального статуса человека. Полуэскадрон был местом и средством воспитания и обучения офицеров из «азиатцев», и поступление в него требовало по существу наличия у новобранца дворянских прав. Практически не было проблем с грузинской, кабардинской и азербайджанской знатью, так как их князья, ханы, беки и уздени приравнивались к русским дворянам. Гораздо труднее было выделить знать у народов, которые по существу не имели таковой. В конце 1830-х гг. во избежание конфликтов между князьями и нетитулованными горцами, оказывавшимися при поступлении в полуэскадрон на равных правах с первыми, решили было посылать в Петербург только действительную горскую знать. Это, однако, противоречило основной цели существования конвоя, так как доступа на престижную военную службу лишались как раз представители тех горских народов, умиротворения которых добивалось правительство. Поэтому после некоторых колебаний было решено брать в конвой «из всех горских народов, даже те, которые князей не имеют».²²

В 1856 г. права вольноопределяющихся 1-го разряда были предоставлены сыновьям «почтеннейших старшин... всех вообще горских обществ Кавказской линии».²³

В 1844 г. было решено отправлять ежегодно по одному офицеру-конвойцу для участия в боях «противу непокорных народов», что являлось обычным для гвардии того времени.²⁴ В 1847 г. эта практика была прекращена, а в 1850 г. вышел указ о запрещении службы конвойцев на Кавказе.²⁵

Генерал П. М. Вельяминов писал в 1842 г. по этому поводу: «...Больше всех гордятся своей знатностью кабардинцы, особенно князья, считающие себя гораздо выше ногайских султанов, потомков ханов крымских. Осетины и чеченцы никогда не имели ни князей, ни узденей, но между первыми есть старшины, пользующиеся уважением исключительно благодаря богатству и особенно по личным качествам... Чеченцы почитают себя равными всем князьям в мире и не признают никакой власти... Всякий горец, как бы ни был он уважаем в своем народе, теряет это уважение и доверенность, как скоро начнет действовать согласно видам нашего правительства... Это, однако, не означает, что бесполезно было бы брать в конвой горцев; многие из них, по возвращении, могут, по крайней мере, быть употребляемы как тайные агенты».²⁶

Правительство пыталось использовать офицеров-туземцев для укрепления своего влияния в замиренных районах, выплачивая им жалование без обязательства служить в строю, но «требуя в сем случае от них ответственности за могущие произойти в аулах беспорядки», и в случае последних лишать своих агентов денежного содержания.²⁷

В 1850 г. около 1300 офицеров из «азиатцев» имели офицерские чины, но только 110 из них находились «при должности», а остальные, как тогда говорили, «проживали в своих домах». Почти все они были очень бедны, не получали жалования, что роняло в глазах местного населения престиж царской службы и офицерского чина. Чтобы исправить это положение

ние, их стали прикомандировывать к казачьим линейным полкам, не более чем по 6 человек на один полк. Выполнение этого указа породило следующую проблему: как производить в следующий чин по выслуге 3 лет, отделявших обычно одну ступень офицерской карьеры от другой, при отсутствии так называемой линии производства, так как эти офицеры были прикомандированы и не имели должности? Правительство ограничило производство командированных первым чином прапорщика, делая исключение только для выпускников военно-учебных заведений. Для дальнейшей успешной военной карьеры уроженцы Кавказа и Закавказья должны были отличаться в боях.²⁸

Часть офицеров — бывших конвойцев пользовалась льготами. По царскому указу они получали жалование, даже если не имели должности. С 1854 г. офицеры из азиатцев, прикомандированные к казачьим полкам, стали получать «добавочную» треть жалования.²⁹

Несмотря на то что гвардейские горцы пользовались всеми правами этой привилегированной части русских вооруженных сил, можно заметить признаки недоверия, которое испытывало военное начальство к офицерам из азиатцев. В указе 1848 г. о прикомандировании их к полкам прямо говорится о том, что «на неизменную преданность горцев вполне положиться еще невозможно».³⁰ Во время учений конвоя предписывалось следить, «чтобы заряженного пулей оружия они не имели».³¹ Полуэскадрон участвовал только в смотрах, парадах, сопровождал императора и его семью во время разъездов, причем в последнем случае они скакали впереди царского кортежа, а с боков и сзади следовали казаки-конвойцы. С одной стороны, первым оказывалось особое уважение, с другой — они занимали наименее выгодное положение для какого-нибудь неординарного поступка. Обращает на себя внимание и тот факт, что чины Кавказско-Горского полуэскадрона никогда не привлекались к караульной службе — пикеты круглосуточные у царских резиденций занимали только казаки.³² Включение в конвой кубанцев и терцев, имевших большой опыт общения со своими кавказскими соседями, также служило до некоторой степени порукой образцовой службы этой части.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Панчулидзе С. А. История Кавалергардов. СПб., 1899—1912. Т. 1—4.

² Галушко Ю. А. Казачьи войска России. М., 1993. С. 25.

³ Uniformen europäischer Armeen. Berlin, 1978. S. 68, 87.

⁴ Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964. С. 24, 26, 49, 54—57, 65, 68, 78.

⁵ Петин С. Собственный Его императорского величества конвой: Исторический очерк. СПб., 1895. С. 18.

⁶ Там же. С. 49.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же. С. 83.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ Там же. С. 115.

¹¹ Денорвиль П. Отрывки из воспоминаний старого моряка // Морь. 1906. № 7/8. С. 269.

¹² Галушко Ю. А. Казачьи войска России. С. 20.

¹³ ПСЗ-II. № 15334, 25.02.1842.

¹⁴ Петин С. Собственный... конвой. С. 143.

¹⁵ ПСЗ-II. № 31149, 18.11.1856.

¹⁶ ПСЗ-II. № 21811, 11.12.1848.

¹⁷ Петин С. Собственный... конвой. С. 158.

¹⁸ Там же. С. 221.

¹⁹ ПСЗ-III. № 623Б, 01.01.1882.

²⁰ Петин С. Собственный... конвой. С. 242.

²¹ ПСЗ-II. № 27535.

²² ПСЗ-II. 24.12.1840; 03.12.1840; Петин С.

Собственный... конвой. С. 113.

²³ ПСЗ-II. № 30757, 24.07.1856.

²⁴ ПСЗ-II. № 17790, 02.04.1844.

²⁵ ПСЗ-II. № 24551, 21.10.1850.

²⁶ Петин С. Собственный... конвой. С. 94—95.

²⁷ ПСЗ-II. № 22125, 24.03.1848.

²⁸ ПСЗ-II. № 27616, 18.10.1853.

²⁹ ПСЗ-II. № 15574, 26.04.1842; № 28436, 20.06.1854.

³⁰ ПСЗ-I. № 22303, 25.05.1848.

³¹ Петин С. Собственный... конвой. С. 50.

³² Там же. С. 229.